

ТАЙНЫЙ АРХИВ XX ВЕКА

БИТВА ЗА КАВКАЗ

НЕИЗВЕСТНАЯ
ВОЙНА НА МОРЕ
И НА СУШЕ

ОЛЕГ ГРЕЙГЪ

ЭРИХ ФОН МАНШТЕЙН

Тайный архив XX века

Эрих Манштейн

**Битва за Кавказ. Неизвестная
война на море и на суше**

«Алисторус»

2012

УДК 94(47)
ББК 63.3

Манштейн Э. ф.

Битва за Кавказ. Неизвестная война на море и на суше /
Э. ф. Манштейн — «Алисторус», 2012 — (Тайный архив XX
века)

Кавказский регион всегда был особой точкой притяжения для многих политиков, как со времен существования Российской империи, так и в годы становления и расцвета советской власти. Кавказский регион стал плацдармом для самых кровопролитных боев в годы Второй мировой. И все – во имя тайных планов, которые лелеяли советский лидер и нацистский вождь. В кровавые события XX века был втянут и Черноморский флот, причем морякам и морским офицерам довелось воевать и на море, и на суше. Как нацисты собирались «освободить русский народ от большевистского режима с помощью мусульманских народов Кавказа и Средней Азии»? Какую секретную роль – волей Сталина и Мехлиса – доверено было сыграть Черноморскому флоту совместно с чекистским фронтом, действовавшим в тылу штрафных батальонов фронтов Юго-Западного направления? Впервые на многие вопросы ответит один из выдающихся полководцев XX века – генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, с которым автору, д-ру военных наук О. Грейгу лично довелось неоднократно встречаться в последние годы жизни немецкого полководца. В книгу также включены воспоминания Эриха фон Манштейна, дающего свой анализ событий и объясняющего смысл происходившего в Крыму и на Кавказе в 40-е годы XX века.

УДК 94(47)
ББК 63.3

© Манштейн Э. ф., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Олег Грейгъ, Эрих фон Манштейн

Битва за Кавказ. Неизвестная война на море и на суше

*...Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил:
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?...*

Державин. «Флот», 1795 г.

© Грейгъ О., Манштейн Э. фон, 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Часть первая Кузнецов. Познание

Глава 1

По окончании войны 1941–1945 гг. Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР И. В. Сталиным был издан приказ 22 июля 1945 года в честь Дня Военного Флота, где есть такие слова: *«В период обороны и наступления Красной Армии наш флот надежно прикрывал фланги Красной Армии, упиравшиеся в море, наносил серьезные удары по торговому флоту и судоходству противника и обеспечил бесперебойное действие своих коммуникаций. Боевая деятельность советских моряков отличалась беззаветной стойкостью и мужеством, высокой боевой активностью и высоким мастерством. Моряки подводных лодок, надводных кораблей, морские летчики, артиллеристы и пехотинцы восприняли и развили все ценное из вековых традиций русского флота.*

На Балтийском, Черном и Баренцевом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной». И этими словами подчеркивается высокая оценка действий всех моряков советского Военно-морского флота (ВМФ).

В выписке приказа говорится, что флот *надежно прикрывал фланги* нашей армии, *наносил серьезные удары* по врагу и вообще отличался высоким мастерством. Но так ли это? Мы рассмотрим это на примере не всего советского ВМФ, а в части, касающейся сил Черноморского флота (ЧФ). Кстати, любопытно, что при столь высокой оценке действий в минувшей войне всего ВМФ, только два командующих флота из четырех были удостоены Золотых Звезд Героев Советского Союза, а именно – командующий Черноморским флотом адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский (Иванов) и командующий Тихоокеанским флотом адмирал Иван Степанович Юмашев (флот которого показал высокие результаты в боях против Японии в Дальневосточной кампании осенью 1945 года под главным командованием кавалера двух орденов «Победа», дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского). Другие же командующие флотов, и в частности, Северного, адмирал Арсений Григорьевич Головкин, который силами вверенного флота действительно обеспечивал охрану коммуникаций по доставке конвоями союзников вооружений, боеприпасов, боевой техники и стратегического сырья, – подобной награды не получил. Как и командующий Балтийским флотом адмирал Владимир Федорович Трибуц.

Следует добавить, что единственный из членов Военного совета времен Второй мировой войны, удостоенный звания Героя Советского Союза, также служил на Черноморском флоте, – это вице-адмирал Николай Михайлович Кулаков. Также стоит вспомнить армейского военачальника, получившего звезду Героя, генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова (впоследствии генерала армии), командовавшего во время обороны Севастополя в 1941–1942 годах Отдельной Приморской армией. А также дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Павла Ивановича Батова (впоследствии генерала армии), командовавшего в дни обороны Севастополя 9-м Особым стрелковым корпусом.

Описывая и анализируя события тех затянувшихся трагических месяцев 1941–1942 годов в Крыму и Севастополе, следует обратить пристальное внимание не только на командование и Военный совет ЧФ, но и на армейских военачальников, руководивших действиями советских войск на Крымском полуострове.

И, значит, коснемся деятельности трех командующих объединениями (армиями), державших оборону на Керченском полуострове. Среди героев книги будут командующий Крымским фронтом, заместитель наркома ВМФ, вице-адмирал Гордей Иванович Левченко; представитель Ставки Верховного Главнокомандующего, армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис; главнокомандующий войсками Южного направления (направления в целом, а не фронта!) Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный; его заместитель по морской части, первый заместитель наркома ВМФ – начальник Главного морского штаба адмирал Иван Степанович Исаков (впоследствии Адмирал Флота Советского Союза).

На протяжении всего авторского исследования действий ЧФ в начальном периоде войны, несомненно, будет вестись разговор о героизме моряков ЧФ и подразделений Красной армии, действовавших в этом регионе. Но наряду с этим будет проанализирована и имевшее место трусость советских матросов и солдат, командиров и политработников обоих видов Вооруженных сил. Что, несомненно, в какой-то (скажем прямо: в значительной) мере предопределило характер и направленность действий сил флота. Прежде следует указать, что главное командование ВМФ (наркомат ВМФ СССР) во главе с талантливым флотоводцем адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым (впоследствии Адмирал Флота Советского Союза) отчетливо осознавало, что основную деятельность по осуществлению разгрома планов противника придется вести армейским силам, тогда как флот должен будет выполнять второстепенную, вспомогательную роль.

Для того чтобы понять многие нюансы интересующей нас темы, придется показать отношения наркома ВМФ и командующего ЧФ в то сложное для обоих этих людей время. Именно так, – умышленно не подчеркивая привычное *«сложное время для страны»*, а оставляя *«сложное время для обоих людей»*. Что связано со многими психологическими и социологическими факторами, под влиянием которых оказались два главных героя, имевших самое непосредственное отношение к сражениям у Черноморской твердыни. При этом наркому пришлось в чрезвычайно сложных условиях управлять не только одним Черноморским флотом, но тремя совершенно разными флотами, находившимися в противоположных географических широтах.

Военные историки послевоенной поры считают, что наиболее эффективной формой поддержки сухопутных войск была высадка морских оперативных и тактических десантов, которых за годы войны было осуществлено в общей сложности 123. Во всех десантах участвовала более четверти миллиона человек, что в среднем составляет около 30 стрелковых дивизий. Высадку же этих соединений обеспечивали более 3000 боевых кораблей и вспомогательных судов, почти 10 000 самолетов. Немалую роль в условиях войны играли морские перевозки. Важно это было на Севере после того как противник умелым маневром перерезал Октябрьскую железную дорогу, ее мурманское направление. Важным было на Балтике во время обороны Ханко, Моонзундских островов и советского Ленинграда, на Черном море в период обороны Одессы, Севастополя и Кавказского побережья. За тот период силами ВМФ было перевезено около 120 млн. тонн грузов и примерно 10 млн. человек.

Существенный вклад в обеспечение деятельности приморских флангов внесли морская авиация и артиллерия. Летчики за период войны совершили около 75 000 самолето-вылетов, уничтожили 1,5 тысячи танков, 110 танков на Балтийском и Северном флотах, свыше 100 танкеток (часть из них – на ЧФ и в Крыму, которые советские адмиралы и генералы и военные историки называли в своих работах «танками») и множество другой боевой техники и вооружений на всех флотах. Морскую артиллерию можно уверенно отнести к огневому щиту военно-морских баз за счет ее дальноточности, высокой скорострельности и разрушительной силы снарядов, уничтожающих узлы связи, штабы, командные пункты и силы противника.

По завершении войны 78 кораблей, частей и соединений стали гвардейскими, 238 – удостоены орденов, многие удостоены почетных наименований, свыше 500 моряков получили

звания Героев Советского Союза. Первым дважды Героем Советского Союза в годы войны стал командир истребительного авиаполка Северного флота подполковник Борис Феофистович Сафонов. Дважды удостоены этого высокого звания разведчик В. Н. Леонов, катерник А. О. Шабалин, летчики В. И. Раков, А. Е. Мазуренко, Н. Г. Степанян, Н. В. Челноков.

Военные историки считают, что именно война выдвинула в число талантливых военачальников таких адмиралов, как Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, А. Г. Головкин, Л. А. Владимирский, Ф. С. Октябрьский, В. Ф. Трибуц, И. С. Юмашев; это из категории руководства ВМФ и командующих флотами.

К 22 июня 1941 г. в составе советских ВМФ числилось более 500 надводных кораблей и боевых катеров, 218 подводных лодок, более 2,5 тысяч самолетов и свыше 2000 орудий береговой и зенитной артиллерии. Все эти силы были дислоцированы по четырем изолированным друг от друга театрам военных действий (ТВД). При этом – система базирования и судоремонта неразвита, возможности по осуществлению межтеатрового маневра ограничены.

Если с 1927 года в СССР шло восстановление и окончание строительства кораблей, заложенных еще до 1917 года, то в 1937-м в основном строили подлодки и малотоннажные боевые корабли. Начиная с 1938 года началось строительство морского и океанского флота. Что вписывалось в государственную программу подготовки к агрессивной войне против вероятного противника. Но действия политических сил Германии и осуществленная агрессия против СССР сорвали реализацию планов по строительству большого флота.

К началу немецкой агрессии в постройке находилось 219 боевых кораблей, из которых: 3 – линейных, 3 – тяжелых крейсера, 9 – крейсеров, 47 – лидеров и эскадренных миноносцев и 91 подлодка.

Организационно советский флот состоял из Северного, Балтийского, Черноморского, Тихоокеанского флотов и Амурской, Каспийской и Пинской военных флотилий. ВМФ СССР был подчинен непосредственно народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову, а в оперативном отношении – народному комиссару обороны страны Маршалу Советского Союза Семену Константиновичу Тимошенко.

После агрессии германского вермахта был сформирован Главный Военный Совет ВМФ под председательством адмирала Н. Г. Кузнецова. Благодаря таланту этого военно-морского начальника на флотах была внедрена разработанная им и сразу же блестяще отработана система оперативных готовностей, которая позволяла в очень сжатые сроки перевести силы флота с мирной учебы в полную боевую готовность; причем сделать все в соответствии с жесткими требованиями уставов и требованиями самого наркома ВМФ не только нанести агрессивный стратегический удар по всему ТВД ВМФ СССР, но и встретить нападение противника, – что, несомненно, является уникальным шагом Николая Герасимовича; ибо ни один советский военачальник не додумался готовить вверенные ему особые военные округа, армии, корпуса и дивизии к обороне. Так как в соответствии со стратегическим планом «Гроза» Красная армия, как и ВМФ, должна была нанести фронтальный удар от Балтики до Черного моря по Европе. Благодаря Николаю Герасимовичу Кузнецову, ВМФ имел четкие взгляды на формы и способы применения сил флота в перспективе любой войны, будь она наступательной или оборонительной. *«Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможность войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал неизбежной... И. В. Сталин вел подготовку к войне – подготовку широкую и разностороннюю, исходя из намеченных им самим... сроков».* Эти слова есть в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне».

К началу войны подобные взгляды были конкретизированы и закреплены в руководящие оперативно-тактические документы «Боевой устав Морских сил РККА» 1937 г. и «Временном наставлении по ведению морских операций» 1940 г. Именно благодаря этим документам, и особенно последнему, Н. Г. Кузнецовым была осуществлена подготовка флотов к войне за несколько часов! В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. посты СНиС (службы наблюдения и связи)

Балтийского флота на острове Найсаар без промедления доложили на КП командующего флотом о появлении пяти кораблей, шедших без положенных для мирного времени ходовых огней. А воздушная разведка Балтфлота обнаружила неизвестные суда у входа в Финский залив, о чем также немедленно было доложено в Главный штаб ВМФ.

Очевидно, следует остановиться на пояснении документов, которые регламентируют ту или иную готовность флотов к действиям. Николай Герасимович считал чрезвычайно важным, чтобы командующие флотами и соответствующие командиры соединений и кораблей четко представляли, что следует понимать под «готовностью № 3», «готовностью № 2», «готовностью № 1».

«Готовность № 3» – обычная готовность кораблей и частей, находящихся в строю, т. е. в первой линии. Тогда как первая линия – это корабли, готовые участвовать в морских батальях, а не те, что находятся в доке, у причала или в ремонте на заводе. В случае «готовности № 3» экипажи кораблей занимаются повседневной боевой подготовкой, живут обычной жизнью, но сохраняют запасы топлива, держат в исправности и в надежной готовности оружие и механизмы корабля.

«Готовность № 2» – намного выше предыдущей. Ибо корабли пополняют все необходимые запасы, еще и еще раз приводят в порядок материальную часть, устанавливают особое дежурство по корабельному расписанию, увольнения на берег всего личного состава сводятся до крайнего минимума, причем это касается и матроса и командира. Личный состав остается на местах. В таком состоянии корабли могут пребывать длительное время, хотя от личного состава при этом потребуется определенное напряжение нравственных и физических сил.

И наконец, самая высшая «готовность № 1», которая объявляется когда абсолютно ясно, что обстановка является крайне опасной и поворот к мирному времени практически исключен. Все оружие и механизмы боевого корабля должны быть способны немедленно вступить в действие, а весь личный состав обязан находиться на боевых постах и выполнять приказы командира корабля в соответствии с уставом: точно, беспрекословно и в жестком лимите времени. Получив условный сигнал, каждый боевой корабль и каждая часть сил флота действует по имеющимся у них инструкциям, которыми предусматриваются вскрытие особых пакетов правительства, где указаны время и выход к месту боевых действий.

Н. Г. Кузнецов провел немало времени на каждом из флотов, осуществляя проверки и учения. Эти проверки вскрыли массу недоработок в подготовке сил и средств четырех флотов к наступательным сражениям. К оборонительным мероприятиям ВМФ не готовился. Год понадобился наркомом, чтобы флоты научились быстро и точно переходить на повышенную готовность, на «готовность № 1». Пришлось провести огромную работу в штабах, на кораблях и в частях. Борьба шла не только за часы, за минуты, но и за секунды – с момента подачи сигнала до получения доклада командования о готовности флота.

Как-то возвращаясь с одного из заседаний у Сталина, Кузнецов поймал себя на мысли, что не лучше ли отказаться от запланированных совместно с войсками Одесского особого военного округа учений ЧФ на Черном море.

Николай Герасимович, знавший так много, все же знал далеко *не все*; однако он понимал, что прошедший май 1941 года и наступивший июнь для руководства страны были чрезвычайно сложным временем в плане международных отношений с рядом государств Европы, с США, и в особенности, с союзником – Германией. В сознание Николая Герасимовича неоднократно закрадывалась крамольная мысль, что это союзничество рано или поздно до добра не доведет. Мучая и истязая себя сомнениями, адмирал, находясь по делам у начальника Генштаба Красной армии Маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова, спросил:

– Скажите, Борис Михайлович, каково в планах Генштаба участие флотов на случай планируемых стратегических операций нашей Красной армии в возможном недалеком будущем?

Шапошников, слушая его, тактично прикрыл чистыми листами бумаги некоторые лежавшие у себя на столе документы и негромко с хрипотцой в голосе ответил:

– Не спешите, голубчик. Вы в свое время получите все необходимые распоряжения. А сейчас я более вас не задерживаю, у меня много работы.

Так и не получив удовлетворительного ответа, адмирал, возвратившись в свой кабинет, вновь допустил мысль, что ВМФ страны будет играть далеко не ту роль, которую он, как руководитель флота, представлял себе изучая историю Русского флота с времен Петра Великого. Это острое чувство несправедливой непричастности Николай Герасимович особенно остро почувствовал не тогда, когда вступил в должность наркома ВМФ, а в те крайне напряженные майские и июньские дни 1941 года.

Его не терзало чувство страха или уныния, даже незнание развития предполагаемых дальнейших событий не застало адмирала врасплох, ведь он пытался просчитать их сам, конечно, насколько это возможно. Его беспокойство на данном этапе сводилось к главному: достаточно ли сделано для того, чтобы все четыре объединения ВМФ были максимально готовы к тому, чтобы мгновенно отреагировать на то, о чем расплывчато и многозначительно сказал маршал Шапошников «...все в свое время»?

Впрочем, адмирал не сомневался, что в скором времени силы флотов должны будут выйти в океан. Это при условии, если будут достроены, завершены ходовые и государственные испытания и введены в боевой строй первой линии линкоры, тяжелые крейсеры, крейсеры, лидеры, эсминцы и подлодки. На все это нужно будет еще как минимум от 6 месяцев до 1,5 лет. Но даже те силы флота, которые имеются в наличии на июнь 1941 года, способны лишь частично участвовать в грандиозных замыслах Сталина и его первых военных руководителей. А то, что замыслы существуют, понятно без слов. Это Кузнецов понимает и весьма сожалеет, что ему не удалось убедить вождя, что в такой огромной стране, как СССР, необходимо строительство мощнейшего в мире флота, состоящего из авианосцев, линкоров и тяжелых крейсеров. Сталин тогда хмуро посмотрел на Кузнецова и, бесшумно двигаясь по ковровой дорожке, подошел вплотную, отчего Николай Герасимович невольно встал из-за стола и теперь неловко смотрел с высоты своего роста вниз на Генсека.

– Вы что, товарищ Кузнецов, собираетесь воевать с Америкой?

Кузнецов отреагировал мгновенно:

– Товарищ Сталин, наша страна без сильного флота...

Но вождь не дал договорить:

– Мы сделаем такой флот, который нам будет нужен в нужное время.

И вот теперь...

Теперь Николай Герасимович полагал, что учения на Черноморском флоте совместно с войсками Одесского особого ВО следует отменить; он поручил начальнику Главного морского штаба адмиралу И. С. Исакову позвонить в Генштаб и выяснить мнение по этому вопросу. Но Иван Степанович отвечал, что ничего ему не сообщили конкретного, что дало бы основания изменить план по части учений. В связи с этим нарком и адмирал Исаков приняли решение дать флоту указания держать оружие и корабли в полной готовности. Руководить учениями в Севастополь выехал Исаков.

Два адмирала договорились, что если обстановка примет чрезвычайный характер, то Исаков уже на месте даст указания командующему ЧФ использовать оружие и корабли флота. После отъезда Ивана Степановича Кузнецову позвонил нарком внутренних дел, Генеральный комиссар Госбезопасности Лаврентий Павлович Берия и жестким тоном спросил:

– Почему вы, товарищ Кузнецов, так безответственно относитесь к нашим партийным кадрам? Почему вы в помощь товарищу Исакову не послали группу работников Главного управления политической пропаганды? Вы что думаете, что без контроля партии вы будете творить все, что вам вздумается?

Зная, что происходит в его окружении, и подавляя в себе всякое эмоциональное желание высказаться, Николай Герасимович спокойно и твердо ответил:

– Товарищ Берия, я принял решение отправить на Черноморский флот группу работников Главного управления политпропаганды во главе с бригадным комиссаром Азаровым. Полагаю, эта кандидатура вас вполне удовлетворит.

– Хорошо, – миролюбиво ответил голос в трубке, – думаю, товарищ Сталин будет доволен вашим решением.

После чего все стихло, а затем раздался длинный зуммер. Николай Герасимович положил трубку на рычаг.

Политработники Красной армии и флота структурно являлись номенклатурными работниками ЦК ВКП(б) и функционировали в качестве отдела ЦК партии в РККА и РККФ. А их руководитель – начальник Главного управления политической пропаганды, член ЦК ВКП(б), армейский комиссар 1-го ранга Запорожец действовал на правах секретаря ЦК ВКП(б). Возглавлял карательные органы страны Л. П. Берия, но к тому времени с согласия Сталина карательные органы были *над* флотом, *над* армией и *над* рядом структурных подразделений ЦК ВКП(б). Сам Лаврентий Павлович в связи с главной задачей «*выявления врагов народа*» стал, пожалуй, самым близким советником по этим проблемам у вождя партии и государства товарища Сталина. А его политработники наряду с сотрудниками органов внутренних дел в армии и на флоте стали надежной опорой в выявлении тех самых «*врагов*».

Кузнецов знал, что Илья Ильич Азаров получил инструкцию у наркома внутренних дел. Так вот, инструкция та заключалась в том, чтобы проводить работу с политработниками, научая их, что в случае начала войны каждый политработник должен применить личное оружие, если командир флота, получив приказ о вступлении в боевые действия по каким-либо мотивам откажется его исполнять. Безусловно, для Николая Герасимовича сей приказ в отношении «непокорных» командиров не составлял особого секрета... Правда, спустя годы адмирал Азаров говорил, что получил он инструкцию иного рода: рассказывать политработникам, что «*на случай нападения Германии приводится в готовность оружие...*»; между тем положение у Азарова тогда и впрямь было сложное. Дело в том, что *приводить оружие в готовность* как бы следовало... после объявленного в прессе и по радио сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г., категорически отвергавшее слухи о возможности войны, объявлявшее любые слухи провокационными.

В день объявления заявления Советского правительства Николай Герасимович находился у Сталина. Доложив разведанные по флотам, нарком кратко доложил и об учениях на ЧФ, и о том, что поставки с немецкой стороны в части, касающейся флота, а именно в строительстве крейсера «Лютцов» продолжаются. (Но в своей книге «Накануне» в угоду определенным силам в стране он, мягко говоря, покривил душой, написав, что немцы тогда фактически прекратили поставки для крейсера «Лютцов»). И хотя адмиралу хотелось доложить, что немецкие транспорты покидают наши порты и не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии, он промолчал, ожидая реакции вождя. Сталин не задавал никаких вопросов по готовности флотов, отчего нарком счел свое дальнейшее присутствие излишним и с разрешения хозяина покинул кабинет.

Возвращаясь в автомобиле, Николай Герасимович вновь поймал себя на мысли, что хотя это и не произнесено, однако Сталин не исключает возможности войны с Германией. Причем считает эту войну вероятной и неизбежной. И договор 1939 года Сталин рассматривает лишь как отсрочку.

Но сколько дней дано ему, наркому, для этой отсрочки?

Глава 2

Чтобы прояснить положение наркома ВМФ в майские – июньские дни 1941 г., следует вернуться на несколько лет назад, скажем, год эдак в 1927-й. Итак, Сталин твердо занял место на большевистской пирамиде власти и начинает укреплять свою диктатуру, все более заботясь проблемами коммунистического движения и расширения своего влияния в мире. Именно в том году Сталин делает вывод о неизбежности Второй мировой войны. К этому его подталкивали заокеанские друзья, которые привели к власти его предшественника Ленина посредством денег и организацией Первой мировой войны. Сталин уже просчитал весь расклад, он, в отличие от оболваненных советских людей, прекрасно знал, что большевистская власть не взялась в этой великой стране из ниоткуда, не приплыла в руки картавого коротышки, вспрыгнувшего на броневик... Тут были задействованы заокеанские финансовые воротилы, истративших на кровавый переворот не только огромные потоки денег (куш был значительно жирнее!), но и долгие-долгие годы борьбы «исподтишка».

Но и Сталин не лыком шит; он, вступив в игру сверхолигархов, собирается выиграть, а для этого надо перестроить всю партию под свои правила игры...

1927 год – начало индустриализации СССР.

В начале первой пятилетки в сталинской армии было около 100 устаревших моделей танков, а в конце ее – более 4000 новых! Но приоритет не столько отдавался количеству вооружения, сколь созданию индустриальной базы, которая будет быстрыми темпами выпускать качественное вооружение.

Этим занималась уже вторая пятилетка. Тогда были созданы коксовые батареи, мартеновские печи, электростанции, построены кислородные заводы, прокатные станы и блюминги, увеличено количество шахт и рудников. Но производство средств войны – еще не главная задача Сталина, хотя за две пятилетки осуществлен существенный скачок в оснащении авиации и армии новыми видами вооружений.

Запланированная третья пятилетка должна была выпускать вооружение, боевую технику и боеприпасы в огромнейших количествах и высокого качества. А завершиться она должна в 1942 году; но кто полагает, что это так, тот... ошибается. Потому что у Сталина пятилетка могла быть выполнена с контрольными цифрами и за 3 года! Но коль написано для всех, что завершится в 1942-м, то и этот означенный и озвученный срок подразумевает свою конкретную цель.

Между тем Сталин предусматривает и планирует с помощью одного из своих самых одаренных ученых, – военного теоретика Б. М. Шапошникова стратегическую наступательную операцию под кодовым названием «Гроза».

Уникальный мозг Шапошникова на время словно бы стал второй частью мозга Сталина. Борис Михайлович научным военным языком изложил то, что Сталин запланировал. Не надо забывать и того факта, что Шапошников – участник планирования мобилизационного плана Русской армии в канун Первой мировой войны; он знал все изъязы того плана и учел их, имея ввиду и новые обстоятельства, возникшие за десятилетия после октябрьского переворота. *И согласно плану «Гроза» днем вторжения советских армий в Европу должно стать 6 июля 1941 года.*

А пятилетка в соответствии с планируемыми целями продолжает работать в военном русле и планомерно выполняет свои задачи по обеспечению армий вторжения Первого и Второго стратегических эшелонов вооружением, боеприпасами и всем остальным, необходимым для ведения агрессивной войны. Одновременно, в соответствии с тем же планом индустриа-

лизации страны, последние два года советский народ, совершая трудовые подвиги, работает и на Третий стратегический эшелон.

Параллельно с индустриализацией в СССР шла и коллективизация, т. е. установление коммунистического крепостничества на селе. Цена этих двух *плановых мероприятий* с целью агрессии и покорения Европы обошлась народам СССР почти в 15 миллионов человеческих жизней! Но для вождя СССР то были не жертвы, а так, издержки производства.

Но не мог об этом не то что знать, а и догадываться занятый своими флотскими делами Николай Герасимович Кузнецов. То в качестве главного военно-морского советника он занимается войной в Испании, то вершит дела на посту командующего Тихоокеанским флотом, то исполняет обязанности первого заместителя наркома ВМФ, а фактически – осуществляет руководство флотом и, наконец, его назначают на должность наркома флота.

Многое делалось Кузнецовым для того, чтобы соответствовать установкам, спускаемым маршалом Шапошниковым наркому флота по подготовке сил и средств к будущей войне. При этом нужно было укрепить не только флоты, но и флотилии – Дунайскую, Днепровскую, Пинскую, которые должны были действовать в перспективе по всему периметру наступления Красной армии. Так что сверхинтенсивного напряжения Николая Герасимовича хватало лишь на управление флотом, а не на переосмысление всех составляющих того, что происходит.

Между прочим, ни в эпоху СССР, ни в послевоенные годы в печатных источниках не говорилось о действиях *Пинской военной флотилии*. Впрочем, это лишь маленькая толика в сокрытии всей правды.

Как только Красная армия заняла территорию Западной Белоруссии, от Пинска к Кобрину НКВД нагнали «строителей», а это – десятки тысяч заключенных да плюс еще были саперные части 4-й армии; так был прорыт Днепровско-Бугский канал длиной аж в 127 км! Строительством руководил полковник А. Прошляков (в годы войны – командующий саперной армией, а после нее – начальник инженерных войск Советской армии, маршал инженерных войск). Понятное дело, канал построили в сверхсжатые сроки ценой огромного количества человеческих жизней. И соединил он две реки – Днепр и Буг. Цель грандиозного проекта заключалась в том, чтобы существовавшую Днепровскую военную флотилию можно было перебросить из Днепра в Припять, оттуда через канал в Муховец, оттуда – в Буг, а из Буга – в Вислу. И это не ради торговли, а только ради военных задач.

Если пройти этим маршрутом, то можно заметить, что в районе Бреста Буг делает разворот к Варшаве, а оборона в этих местах командованием Красной армией не готовилась. Оттого Брестская крепость считалась своеобразной перевалкой в планируемых боевых наступлениях, и имела всего комендантскую роту и две роты обеспечения проходящих маршевых частей через Брест.

Назначение канала становится предельно ясным: пропустить корабли в бассейн Вислы и далее на запад. В случае иного поворота, т. е. в случае агрессии против СССР, канал следовало уничтожить, дабы не пустить корабли возможного противника из бассейна Вислы в бассейн Днепра.

Об этом уникальном сооружении на одной из послевоенных научных конференций вкратце рассказал бывший командующий Днепровской военной флотилией вице-адмирал В. Григорьев. После конференции он писал в «Военно-историческом журнале»: «*По Припяти сможете перейти на Западный Буг, Нарев и Вислу к Варшаве, а далее перейти на реки Германии. Кто знает, быть может, и до самого Берлина!*» (№ 7 за 1984 г., стр. 68). Вице-адмирал Григорьев со своей флотилией до Берлина дошел, об этом свидетельствует неоднократно опубликованный снимок тех лет, на котором на бронекатерах на реке Шпре в Берлине развевается советский военно-морской флаг.

Еще одним из важных вопросов, который курировали Николай Герасимович Кузнецов и его Главный морской штаб (ГМШ), было создание морской пехоты. Месяцем основания ее стал июнь 1940 г.; и тогда как у флотов еще не было морской пехоты, Днепровская военная флотилия и Пинская военная флотилия, расположенные в лесах Белоруссии, получили по... роте морской пехоты.

Воистину любопытный факт: на четырех флотах ее нет, а в пинских глухих болотах и на Днепре – есть! И все это связано с комплексом мероприятий, которые в деликатной и весьма любезной форме рекомендовал наркому ВМФ обаятельный и обстоятельный Борис Михайлович Шапошников, впрочем, не объясняя конкретной цели создания этих маневренных подразделений; *«всему свое время, голубчик...»*.

Советская морская пехота была сформирована в составе Балтийского флота уже в канун самой агрессии Германии. И получила боевое крещение 22 июня 1941 года при защите военноморской базы (ВМБ) Либава (Лиепая). Почему именно здесь и именно в первый день агрессии? Да потому что считанные километры разделяли морпехов от солдат вермахта.

В нашем повествовании нельзя обойти вниманием и еще один объект, о котором не писали ни в эпоху СССР, ни в послевоенные годы. Между прочим, объект тот – один из сильнейших корпусов Красной армии! А существовало-то их, таких сверхмощных всего два: 34-й стрелковый корпус, командовать которым весной 1941 г. был назначен генерал-лейтенант Р. Хмельницкий да 9-й Особый стрелковый корпус. А всего в Красной армии на то время было 29 механизированных корпусов по 3 дивизии в каждом, 62 стрелковых корпуса по 3 дивизии (иногда – 4), 4 кавалерийских корпуса по 2 дивизии, 5 воздушно-десантных корпусов, не имевших звена дивизии, 5 авиационных корпусов в составе ВВС по 3 дивизии и 2 корпуса ПВО. В мощном 34-м стрелковом корпусе было 5 дивизий.

Но нас интересует 9-й Особый стрелковый корпус, который был переброшен из Закавказского военного округа в Крым в начале июня 1941 г.; командовал им генерал-лейтенант П. И. Батов.

Следует заметить, что почти всеми советскими корпусами в конце 30-х – в начале 40-х годов командовали, как правило, генерал-майоры, тогда как армиями командовали генерал-лейтенанты, за редким исключением – генерал-полковники. А такой вид Вооруженных сил, как ВВС, возглавлял тоже генерал-лейтенант авиации П. Рычагов. Правда, ВВС военных округов тоже командовали генерал-лейтенанты авиации; в основном то были Герои Советского Союза, участники войны в Испании.

Сталин мог и старшего лейтенанта, рядового летчика произвести в полковники, и тут же – в генерал-лейтенанты, назначив командовать авиацией целого округа. Примером тому Герой Советского Союза, командующий ВВС Белорусского Особого военного округа И. И. Кобец. Но в отношении флотских руководителей авиации Сталин был не так благожелателен. И они в большинстве имели воинские звания генерал-майор авиации.

Но вернемся к 9-му корпусу; это высшее соединение было уникальным по своему составу, вооружению и направленности боевой подготовки. Во время учений 18–19 июня 1941 года, которые так волновали Кузнецова, Черноморский флот развернул свои силы совместно с одной из дивизий 9-го Особого стрелкового корпуса, который был введен в состав Одесского особого военного округа. Дивизия корпуса была посажена на боевые корабли ЧФ и затем осуществила десант на побережье «противника». Уникальность операции проявилась не в том, что с кораблей высаживается десант, а что высаживается полнокровная дивизия, чего никогда в Красной армии еще не делалось. И флотом, между прочим, не обеспечивалось.

Этим учениям Сталин уделял особое внимание, и проходили они под личным контролем ответственных работников Генштаба Красной армии, при этом со стороны наркомата ВМФ участвовал первый заместитель наркома – начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков. А по пору-

чению наркома внутренних дел от ЦК партии действия флота и частей дивизии корпуса координировал дивизионный комиссар И. И. Азаров.

При условии начала войны согласно плану маршала Шапошникова этот корпус должен воевать не на советской территории. Уникальный 9-й Особый стрелковый корпус, подготовленный в горах Кавказа и имевший отборных солдат и командиров, проверенных политработников, – в соответствии с планом «Гроза» – должны высадить с боевых кораблей ЧФ на побережье Румынии и Болгарии; цель операции – перерезать транспортировку нефти в Европу. Захватив нефтяные терминалы и месторождения, можно будет контролировать поставку нефти на Черном море в Советский Союз. К столь серьезной операции должны были привлечь эскадру ЧФ, а высадку обеспечить все вспомогательные силы флота.

Но где бы это самое крупное высшее соединение Красной армии впоследствии ни высадили, предусматривалось главное направление его боевых действий – порт Плоешти в Румынии. Все время в преддверие этих героическо-пиршественных событий силами политотдела корпуса, а также сотрудников органов Госбезопасности в соединении проводилась интенсивная работа по поднятию боевого духа личного состава, распространялись патриотические листовки, проводились пламенные беседы, – в общем, осуществлялись жесткие установки доказать и поверить, что наступательный дух столь высок, и враг столь примитивен, что будет сокрушен в считанные минуты... к тому же, убеждали все эти товарищи, враг плохо подготовлен к войне и давно не верит своим командирам и высшему военному командованию... Эта работа была осуществлена столь интенсивно, столь успешно, что оказавшись вдруг в ситуации, вызванной агрессией вермахта, – не в роли наступающих, а в роли отбивающихся – части корпуса сразу же оказались сломленными морально; не умевшие воевать в обороне, солдаты чаще всего в ужасе разбежались и попадали под смертельный огонь своих же сограждан – под огонь подразделений НКВД, находившихся в их тылу.

А тогда, в июньские дни 1941 г., в Крым был высажен и Третий воздушно-десантный корпус (ВДК), который одновременно участвовал в учениях с разворачиванием боевого управления штаба корпуса и штабов бригад. С началом учений Черноморского флота и войск Одесского особого военного округа в Крым прибыл и командующий войсками ОдОВО генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, который принимал прибывшие войска 9-го Особого стрелкового корпуса. О том, что Яков Тимофеевич присутствовал в Крыму 9–12 июня и инспектировал войска 9-го корпуса, подтвердил и Маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров (см. журнал «Вопросы истории» № 5 за 1970 г.).

В послевоенные годы советские историки, а также военачальники, в том числе и Н. Г. Кузнецов, другие, находившиеся под жестким прессом коммунистической идеологии, не указывали, что на территорию Одесского особого военного округа прибыла армия под командованием генерал-лейтенанта И. С. Конева (будущего дважды Героя Советского Союза, кавалера ордена «Победа», Маршала Советского Союза). Но ни И. Конев, ни его заместитель в то время генерал-лейтенант М. Рейтер (впоследствии генерал армии) об этом тоже нигде не вспоминают! И получается, что генерал Я. Черевиченко... даже не знал о передислокации армии с востока на территорию вверенного ему округа. Если почитать мемуары дважды Героя Советского Союза генерала армии П. И. Батова, то увидим, что Павел Иванович пропускает в своих умозаключениях о войне самое важное: когда он готовил 9-й корпус к войне в Закавказье, он одновременно был и заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. Однако Батов не объясняет, что означает «особый корпус», и какие отборные солдаты в нем служат, и почему части и соединения корпуса отрабатывают элементы оперативной посадки войск и погрузки боевой техники и вооружения на боевые корабли Черноморского флота?! И еще – отрабатывают условия дальнейшей высадки на чужой берег с целью захвата или разгрома (поджога) нефтяных вышек и скважин. Павел Иванович, писавший свои мемуары, надо

полагать, забыл, почему в корпусе, которым он командует, осуществляется небывалая даже по сталинским стандартам, сформированным во второй половине 30-х годов, пропаганда *«освободительной войны на территории агрессора»*. И почему эту спецпропаганду осуществляют специально для этого прибывшие специалисты из ЦК ВКП(б) наркомата внутренних дел, Главного управления Государственной безопасности и Главного управления политической пропаганды Красной армии и флота? И почему 13 июня 1941 г. личный состав частей и соединений 9-го Особого стрелкового корпуса, вплоть до рядовых красноармейцев, получил русско-румынские разговорники? Осторожные высказывания об этом можно найти в мемуарах некоторых военачальников, но только не у Павла Ивановича, командовавшего этим самым корпусом. Зато «выдающийся полководец» П. И. Батов, удостоенный за годы войны нескольких орденов Ленина, полководческих орденов Суворова и Кутузова, двух Золотых Звезд, не забыл вписать в свои мемуары, что 11-я армия вермахта под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна, оседлавшая Перекопский перешеек, «значительно превосходила силы Крымского фронта по количеству войск в 3–4 раза и почти в 4 раза – по количеству танков, почти в 5 раз – в авиации и в 3 раза – по артиллерии»... Да, Павел Иванович Батов, это же надо было так лгать; тогда как на самом деле его корпус по всем вышеперечисленным параметрам превосходил 75-тысячную группировку 11-й армии вермахта по крайней мере в 5–6 раз! И это он проявил «чудеса» безграмотности и трусости, как и весь высший и старший командный состав не только 9-го корпуса, но и трех советских объединений (армий), засевших позже на Керченском полуострове. Ложью прикрывалась трусость, ложью подпитывалась преступная идеология страны.

Не писали советские полководцы о том, *что* и *как* происходило в СССР в канун немецкой агрессии, и не связывали воедино учения 9-го Особого стрелкового корпуса, 3-го воздушно-десантного корпуса и 14-го стрелкового корпуса, который проводил учения по высадке своих дивизий с кораблей Дунайской флотилии, тогда как 3-й ВДК десантировался с самолетов и планеров. Учения этих высших соединений проводились во взаимодействии с Черноморским флотом, и были связаны по месту, времени, целям и задачам. А ведь это ни что иное, как, в соответствии с секретным планом «Гроза», учения гигантских масштабов различных видов и родов Вооруженных Сил СССР, имеют конкретную цель: наступление. Это *один* войны (преддверие), как говорил маршал Шапошников.

Далее будет более подробно освещена эпопея катастрофы Крымского фронта и участие в ней этих трех объединений Красной армии, 9-го Особого стрелкового корпуса, Отдельной Приморской армии и ЧФ.

В канун агрессии германского вермахта в стране сжатыми и жесткими темпами формировались *три сверхударные армии*; и это было уникальное явление в самой природе и сути армий вторжения.

Но и среди этих сверхмощных трех армий выделялась одна – с тем самым, что и корпус, магическим числом: 9-я армия; она особо проявила себя в финской кампании, после которой словно бы... растворилась, растаяла на необъятных просторах огромного СССР. И, казалось бы неожиданно, по прошествии недолгого времени, объявилась под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. (подписанного вечером 13-го, а переданного по радио рано утром 14-го); но армия еще недоукомплектована, и к 13–14 июня была еще не достроенной структурой самого мощного объединения мира.

В ее составе 6 корпусов, а к 5 июля 1941 года (накануне вторжения) планируется ввести еще 3 корпуса; а пока эти 6 корпусов включают 2 механизированных и одну кавалерийскую дивизии. К 21 июня 1941 г. 9-я армия уже насчитывает 17 дивизий, в том числе 2 авиационные, 2 моторизованные, 2 кавалерийские, 4 танковые, 7 стрелковых. В целом такими же быстрыми темпами идет формирование и еще двух сверхударных армий, но в состав 9-й армии предполагают включить еще и 27-й мехкорпус под командованием генерал-майора Ивана Ефимовича

Петрова, – кстати, ставшего одним из главных героев событий Черноморского флота 1941–1942 годов.

Генерал Петров, бывший до этого начальником военного училища, сформировал корпус в Туркестанском военном округе (ТуркВО), затем перебросил этот корпус на запад. После того как его включили в состав 9-й армии, в ней будет насчитываться уже 20 дивизий. Ну а до 1 июля 1941 года запланировано сформировать еще 15 дивизий, включая 6 танковых; всего же будет – небывалая мощь! – 45 дивизий, как и запланировано стратегическим планом «Гроза», долженствующим начаться 6 июля 1941 года.

И если считать, что полное укомплектование 9-й армии завершиться к 1 июля 1941 года, то в ней будет уже 3.350 танков – такого количества танков ни в одной армии мира никогда не было! Количество этих танков только в одной-единственной советской армии практически соответствует наличию всех танков германского вермахта. Командует же сверхударной армией генерал-полковник Павел Белов, и на тот момент он – единственный человек, командующий самой огромной армией в таком воинском звании.

Во всей армии СССР тогда было восемь генерал-полковников; в авиации – ни одного, в НКВД – ни одного, в танковых – ни одного, а во главе тридцати одной (!) советской армии (объединений) генерал-майоры и генерал-лейтенанты. Соответствующее генерал-полковнику воинское звание в ВМФ – адмирал имеется лишь у двоих: у Н. Г. Кузнецова и И. С. Исакова.

В первой половине июня 1941 г. – по указанию Сталина и согласно директиве наркома обороны и начальника Генштаба – самые мощные три армии входили в завершающую стадию формирования.

Причем 9-я армия создается вблизи границ с Румынией. Первые ее соединения появились здесь еще в июне 1940-го. Ровно через год под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. она в своей могучей целостности появляется там, где год назад было завершено так называемое *«освобождение западных народов»*. И коли впереди наступление, то целью армии будет Румыния, как основной источник нефти для Германии. При нанесении удара по Румынии Германия останется без нефти, а, значит, произойдет остановка всей боевой техники: самолетов, танков, машин, кораблей, транспорта и всей промышленности; ибо нефть – кровь войны. А удар по Румынии мощью сверхударной 9-й армии – прямое попадание в сердце Третьего рейха.

С целью поразить сердце Германии в 9-й армии были собраны самые перспективные военачальники. Штаб 9-й армии и штаб Одесского особого военного округа сливаются в единый оперативно-стратегический механизм, могущий так же просто разъединяться. В день Сообщения ТАСС это разъединение и было осуществлено. Что касается слияния, то оно осуществлялось для того, чтобы разведка Абвера и VI управления РСХА обнаружили... внезапное исчезновение 9-й армии; тогда как она не исчезала, а притаилась под прикрытием слияния со штабом ОдОВО.

После того, как первый командующий генерал-полковник Белов был расстрелян органами НКВД как «враг народа», его заменил относительно молодой и дерзкий генерал-майор Родион Яковлевич Малиновский (впоследствии – член ЦК КПСС, министр обороны СССР, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа», Маршал Советского Союза). Через четыре года после вступления в должность командующего 9-й армией Малиновский поразит мир потрясающим броском через пустыню Гоби и горы Хингана на гигантскую оперативную глубину в Маньчжурии, командуя войсками Забайкальского фронта.

В 1941 г. перед генералом Малиновским и его штабом, командирами соединений 9-й армии стояла сложнейшая задача: им предстояло пройти 180 км, правда, по вполне хорошим дорогам и нанести удар по румынской армии. Конечно, в 1945-м, чтобы нанести удар по мощной Квантунской армии, довелось пройти по горам и пустыни целых 810 км. Сложность первого перехода была в том, что Малиновский лишь теоретически представлял, что его ждет,

ибо ни один генерал в мире не имел в своем распоряжении столько техники, вооружений и боеприпасов, сколько имел он. У него в 9-й армии было в три раза больше танков, чем в любой из танковых армий СССР в 1945 году! Но вермахт сорвал эту задачу...

Столь подробным освещением подготовки к агрессивной войне СССР против Германии на юге страны я предусматриваю рассмотреть, какова была роль сухопутных сил на этом участке в соответствии с планом «Гроза», и какая роль в этом отводилась Черноморскому флоту. Уже при таком раскладе хорошо видно, что роль самого южного флота была весьма несложной, скорей, вспомогательной. Никаких морских баталий не планировалось, и не удивительно, что обстоятельный и обаятельный маршал Шапошников, так любезно относившийся к Николаю Герасимовичу Кузнецову, деликатно уклонялся от более подробного и, естественно, запрещенного объяснения о том, *что, как и когда* будет осуществляться.

Глава 3

После празднования Дня 1 мая 1941 года Николай Герасимович возвратился домой несколько раньше, чем обычно. Поужинав с семьей, он прилег отдохнуть, но сон не шел. Ему вспоминалось его участие в гражданской войне в Испании 1936 г. и та странная встреча, которая произошла недалеко от Картахены.

...К причалу порта подходили транспорты с оружием; во внутренней гавани находился арсенал, окруженный высоким кирпичным забором. С пришедших транспортов уже разгрузили партию советских танков, и по всему городу только и шли разговоры об этом. А когда танки появились на улицы Картахены, жители приветствовали их различными возгласами.

После одного из разговоров с Мадридом, вернее, с ответственным работником по поставкам вооружений республиканцем Индалесио Приетто, Николай Герасимович принял решение прогуляться в тенистой аллее некогда прекрасного курорта. Медленно прогуливаясь, он обратил внимание на то, что с ближайшей скамьи навстречу ему поднялся человек; подойдя, незнакомец поздоровался.

– Дон Николас, здравствуйте... конечно, вы меня не знаете... Вам рекомендуется прочесть содержание этого пакета, и, прошу, не спешите выбрасывать его. Вы познакомитесь с историей Русского флота, которую вам не преподавали в Военно-морском училище большевистской России. И еще: прошу не считать это провокацией со стороны чекистов. Я знаю, вы осторожно относитесь к этой... организации... и правильно делаете... Не буду говорить о том, кого я представляю, скажу лишь, что в канун Первой мировой войны я закончил Морской корпус и служил в разведотделе Адмиралтейства. Мне, как и моим товарищам, известна установка определенных сил в США и в Европе, влияющих на то, чтобы вождь большевиков Сталин ставил на первые посты в армии и на флоте людей, подобных вам, а в окружение подбирали, скажем так... людей совершенно противоположных... чтобы вы находились под постоянным контролем их... со временем вы поймете, кто они... Скажу больше: ваша кандидатура после возвращения из Испании будет рассматриваться на пост командующего одного из флотов с перспективой дальнейшего перевода в Москву.

Не давая Кузнецову возможности что-либо ответить или спросить, незнакомец, успевший за короткий монолог невольно расположить к себе, изящным движением приподнял шляпу и, откланявшись, исчез.

Николай Герасимович невольно оглянулся, поймав себя на мысли, что человек этот выбрал прекрасное место в плане конспирации. Но тут же иная мысль остро пронзила мозг: а что, если это тщательно организованная провокация чекистов? – тогда следует, не распечатывая увесистый пакет, передать его в органы. Сунув полученный пакет под мышку, он решительно направился к своему особняку, но чем ближе подходил к дому, тем все медленнее становились его шаги, и простое человеческое любопытство вкупе со сформировавшимся уже воинским профессионализмом потребовали от него перво-наперво взглянуть и ознакомиться с содержимым бумаг...

Николай Герасимович поднялся с дивана и направился в спальню к супруге Вере Николаевне, которая, зная чрезвычайную занятость мужа, все же с трудом привыкшая к его длительным отсутствиям, старалась не показывать тревоги. Ревновала ли она его? Не исключено, на то она и женщина, которая любит.

Н. Г. Кузнецов – высокий, со слегка раскосыми глазами, с красивым баритоном, в ладно сидящей на нем форме моряка – всегда привлекал внимание не только ярко выраженной внешностью помора, но и культурой обращения с людьми. Впрочем, он не давал супруге повода для расстройств и, казалось, был всецело поглощен делами флота... А в этот Первомайский день,

вернувшись с торжеств хмурым, он с трудом улыбался за столом, мало говорил, почти не ел и вскоре ушел в свой кабинет. И вот наконец, спустя немногим более двух часов, отбросив все тяжелые мысли, он вошел в ее спальню...

Еще только забрезжили первые лучи солнца, как Николай Герасимович поднялся, принял душ, выпил свежий чай и еще через полторы-две минуты автомобиль уносил его в Штаб флота.

А на четвертый день после этого – 5 мая 1941 г. – в Кремле состоялся прием выпускников военных академий Красной армии и флота, на котором Сталин выступил с «секретной» речью, заявив, что *«война с Германией начнется не раньше 1942 года»*, т. е. по завершении пятилетки.

Если судить об этой фразе с высоты нашего времени без учета разнообразных нюансов, то Сталин, сделав такое заявление, «совершил политический просчет» и ошибся в сроках начала войны.

Но так ли это?

Представим себе Кремль, Георгиевский зал или Грановитую палату и сидящих *академиков*, как тогда называли выпускников военных академий. Не сотни, а тысячи пар вожде-ленных глаз, отрешившись от всего мира, сопровождают малейшее движение вождя, не сотни, а тысячи ушей внимают его словам и... вождь своим заявлением снимает напряжение с выпускников, ставит перед ними задачу: не сегодня. Кроме того, Сталин знает, что как бы ни старалась контрразведка, а среди этих выпускников могут оказаться враги, и любой срок, произнесенный им, станет достоянием общественности. А чтобы это предотвратить, надо сделать коварное заявление именно перед элитой вооруженных сил, которых на протяжении всей учебы в академиях готовили только к наступательным операциям против врага; наступать – иного понимания дальнейшей миссии для своих учеников профессорско-преподавательский состав не предусматривал.

В Кремле Сталина слушают не только выпускники и ученые, но и высшее политическое руководство партии и правительства, высший командный состав Красной армии и РККФ, среди которых и адмирал Н. Г. Кузнецов.

О выступлении Генсека проинформированы все командиры соединений и объединений армии и флота, но среди слушателей – и те, кто по приказу Сталина должны осуществить *утечку* некоторых моментов речи вождя. При этом он не сомневался, что найдутся и те, кто эту утечку осуществит самостоятельно. Не исключено, что удастся выявить всех «незапланированных» возможных информаторов противника и через них дезинформировать противную сторону, вводя в заблуждение в части, касающейся осуществления плана «Гроза».

Речь Сталина не была опубликована в печати; но ее содержание знают тысячи людей, слушавших его. Это не парадокс, а тщательно спланированная акция, и Николай Герасимович оставляет потомкам запись, что тогда же была разработана директива Генштаба: *«...очень важная директива, нацеливающая командующих округов и флотов на Германию, как на самого вероятного противника в будущей войне»* (из книги «Накануне»). Директива от 5 мая была отдана, но срок начала войны в ней не указан, указано лишь, что следует ждать условного сигнала и быть готовым в любой момент начать боевые действия. Эта фраза, помимо всех поступавших сведений, более всего беспокоила военное командование Германии, результатом чего стало введение в действие плана «Барбаросса», действие, припавшее на срок за две недели до ввода плана «Гроза».

На основании секретной директивы от 5 мая 1941 г. уже 15 июня были отданы приказы командованию соединениями и объединениями Красной армии; круг *посвященных* расширился до нескольких сотен командиров. А за день до этого – 14 июня 1941 г. ТАСС передает сообщение о том, что СССР не собирается нападать на Германию и перебрасывает часть сил

армии в западную часть страны в связи с учениями. Тогда как генералам отдается приказ в любой момент быть готовыми к захвату чужой территории.

Но командование вермахта, как и политическое руководство Германии, усомнилось в подобном заявлении советского правительства, как и в том, что СССР нападет на Германию только в 1942 году.

13 июня 1941 г. (день подписания документа, известного как сообщение ТАСС) является одной из переломных дат в истории СССР. Ибо в этот день по всей стране началась титаническая работа по переброске такого огромного количества войск, что с этой задачей едва справлялся наркомат путей сообщения. Задействованными оказались почти все наркоматы и ведомства советской страны. В этой обстановке в военных штабах столицы царилочужестранней жесточайшее напряжение, связанное с небывалой тайной передислокацией войск, которые должны были образовать Второй стратегический эшелон Красной армии. Численный состав его составлял около 80 танковых, моторизованных и стрелковых дивизий, не считая десятков отдельных полков и сотен отдельных батальонов.

Напомним, что состав Первого стратегического эшелона состоял из 16 армий, в которые входило более 190 дивизий и самая мощная группировка армии, сосредоточенная на румынской границе, имевшая целью отрезать нефтепромыслы Плоешти от Германии.

13 июня 1941 г. были также осуществлены некоторые шаги сталинской дипломатии. Так, в Лондоне состоялась встреча советского посла Ивана Михайловича Майского с министром иностранных дел (Форрин Офиса) Энтони Иденом, на которой Майский разыграл спектакль с топаньем ног и требованием отозвать британского посла в Москве Криппса. Когда впоследствии Майскому задали вопрос, с чем связана подобная бестактность его поведения, он ответил, что... встреча прошла в дружественной обстановке на пользу народам двух стран.

Одновременно советские дипломаты вели переговоры с Германией о Польше. Были также осуществлены встречи на уровне советского посла и руководства Госдепа США.

Буквально через несколько часов после сообщения ТАСС рано утром 14 июня 1941 года Николай Герасимович, приехав на службу, сразу же углубился в чтение оперативных документов и сводок, пришедших с флотов. К сожалению, они не радовали; о предварительных результатах учений сообщал из Севастополя начальник ГМШ адмирал Исаков; отдельная информация об этом от командующего вице-адмирала Октябрьского пока не поступила.

Николай Герасимович взглянул на аппарат ВЧ, собираясь позвонить в Севастополь, как дверь приоткрылась и вошел член Военного совета – начальник Главного управления политической пропаганды РККФ, армейский комиссар 2-го ранга Иван Васильевич Рогов. Поздоровавшись, Иван Васильевич сообщил о своей встрече с членом Военного совета РККФ, членом Политбюро ЦК ВКП(б), секретарем ЦК ВКП(б), первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Андреем Александровичем Ждановым, с которым они обсудили тему дальнейшего укрепления партийной линии на кораблях и в частях флота.

Кузнецов, хорошо зная заместителя по политчасти и ничем не выказывая своего отношения, отодвинув рабочие документы, приготовился слушать. Тот, воспользовавшись этим, сразу же начал повествовать, да так, словно перед ним был не нарком Военно-морского флота, а выпускник училища, только что одевший китель с нашивками лейтенанта:

– Вот вам расклад... товарищ Сталин, подчеркивая особую значимость нашей партии, имеет в виду, что наверху ее руководящие слои составляют около 4 000 высших руководителей. Я бы это назвал генералитетом нашей партии. Далее идут 40 000 средних руководителей, что образно можно сравнить с командирами Красной армии и флота. Еще ниже насчитывается около 200 000 низшего партийного руководящего состава. Это, можно сказать, наше партийное офицерство...

Николай Герасимович читал об этом в газете «Правда» еще 29 марта 1937 г., не единожды и Рогов распинаясь на подобную тему; ни единым мускулом на лице не выдал нарком своего недовольства и продолжал внимать интерпретации газетной статьи устами начальника Главного управления политпропаганды.

– Как вы помните, партия, чтобы не загнивала, осуществила чистки в своих рядах. После чего начала новый этап, и этап этот пошел с конца 38-го года, с XVIII съезда ВКП(б). Мы должны иметь в виду, что структуры партии: райкомы, горкомы, обкомы, крайкомы, ЦК союзных республик – это властные структуры государства. И действуют они централизованно... Ну а в наших флотских структурах все коммунистические ячейки должны действовать с утроенной силой. ...через военные отделы наша партия осуществляет контроль всего процесса подготовки к войне, контролирует мобилизационные запасы, перевод промышленности, сельского хозяйства, связи и транспорта на военные рельсы. Партия руководит сложнейшим и архитрудным процессом подготовки всего нашего народа к войне. Вы, Николай Герасимович, не могли не заметить, что в последнее время все партийные работники, начиная от ЦК ВКП(б) до низовых партийных звеньев одели серо-зеленые защитные гимнастерки и портупеи, да обули командирские сапоги, а? Вот ведь как, ЦК партии укрепил флотские и воинские ряды своими кадрами. Какова взаимосвязь! – в начале 1941 года организован был набор генералов и адмиралов в кандидаты и члены ЦК ВКП(б). Так грань между партией и вооруженными силами практически стерлась...

Николай Герасимович, слушая собеседника, наверняка пришедшего не только поговорить, но и так, по долгу службы, присмотреть за ним, никак не реагировал, если не считать легкого утвердительного покачивания головой. Пока ничего нового Рогов не сказал; конечно, Кузнецов знал, что помимо 4 000 коммунистов, которые были определены на политработу в РККА и флот, в августе 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд важнейших постановлений, после осуществления которых в том же году в армии и на флоте в числе руководящих политработников было уже 190 000 коммунистов. А к маю текущего, 1941 года, армия коммунистов составляет уже более 600 000!

Итак, 4 000 коммунистов послали на партийную работу на уровень рот и кораблей 4-го и 3-го ранга, а также в боевые части кораблей 2-го и 1-го ранга. Но в 1939 г. было внесено предложение о ликвидации должностей политработников на ротном уровне, после чего эти должности стали сокращать. Что из этого получилось? После этой реорганизации количество солдат и матросов увеличилось более чем в 6 раз, а число политработников сократилось в 5 раз, ведь на уровне батальона, командира корабля 3-го ранга остался только один политработник. В этом, казалось бы, суть экономии, ибо из высвободившихся людей можно сформировать боевые подразделения. Но... это если считать в количественном соотношении относительно рядовых солдат. А политработник, как не раз утверждал и Рогов, «стоит десяти, а то и более красноармейцев и краснофлотцев». Исходя из подобной оценки, были пересмотрены подходы формирования политработников в РККА.

– А помните, – все еще продолжал говорить Иван Васильевич, – 13 марта 1940 года вышло постановление «О военной переподготовке и переаттестовании работников партийных комитетов и о порядке их мобилизации в РККА»? Я еще принимал активное участие в его разработке. В соответствии с этим постановлением и указаниями товарища Сталина, «ответственные работники аппарата ЦК ВКП(б) находятся на персональном учете обоих военных наркоматов и мобилизуются для работы в армии и на флоте решением ЦК ВКП(б) по представлению военных наркоматов и управления кадров ЦК ВКП(б)»... как видите, я даже текст помню дословно.

Иван Васильевич еще долго мусолил прописные истины, отвлекая наркома ВМФ, но Николай Герасимович постепенно переключился на другие мысли, хотя лицо его выражало

полнейшее внимание к словам «достойного представителя ЦК партии в Военно-морском флоте»...

А буквально через 2–3 дня выйдет новое постановление ЦК ВКП(б) об очередном наборе коммунистов на партполитработу в армию и на флот. И Кузнецову было понятно с чем это связано, – Сталин и высшее руководство партии и страны все еще сомневаются в полной надежности рядов армии и флота... Но опасно не это; опасения вызывает то, что те военачальники армии и флота, которые не оказались в лагерях, не исключено, могут допускать крамольные мысли (даже не высказывать, а допускать!), а потому их *«нормальное, правильное»* состояние по отношению к высшему руководству партии должны обеспечить партпредставители на всех уровнях воинской власти.

Нарком вспомнил, что точно так было в августе 1939-го на границе с Польшей. Да, точно так же... спустя 19 дней после постановления о призыве номенклатурных работников ЦК ВКП(б) в РККА, вооруженные силы СССР нанесли удар, «присоединив» Бессарабию, Молдавию, западные районы Украины и Белоруссии, а также Эстонию, Латвию и Литву... и если сопоставить, то... и сейчас, после вышедшего постановления... в условиях, когда идет планомерное сосредоточение советских войск по всему периметру западной границы с Германией и Румынией...

А тем временем начальник Генштаба Красной армии Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников после короткой встречи в кабинете у Сталина, подытожил:

– Товарищ Сталин, прошу вас меня отпустить, и в час ночи я доложу свое мнение по поставленной вами задаче.

Вождь взглянул исподлобья:

– Хорошо, Борис Михайлович, скажите, мы правильно делаем, что рассматриваем вопрос о восстановлении института комиссаров в Красной армии?

– Да, товарищ Сталин, с вами нельзя не согласиться. Восстановление института комиссаров, особенно в первые дни осуществления операции «Гроза», потребует значительного контроля действий наших генералов, в которых уже в настоящее время ощущается некоторый дефицит. Поэтому я полагаю, что буквально с 20 по 25 июня в строй должны быть возвращены ряд военачальников, которые, на мой взгляд, не совершили ничего предосудительного по отношению к нашей партии и народу, и их следует освободить из мест заключения. А чтобы быть спокойными, к ним и надо приставить опытных политработников, прошедших боевую и политическую закалку под непосредственным руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б) Лаврентия Павловича Берия. Освобождение таких военачальников, список которых я вам готов представить немедленно и за которых я ручаюсь, следует проводить поэтапно. И чтобы дать возможность этим людям восстановить здоровье, их вместе с членами семей нужно отправить в санатории Подмосковья, Кавказа и Крыма... уверен, они почувствуют, что вами им оказано высокое доверие. После пережитого у каждого из этих военачальников возникнет огромное чувство благодарности лично вам, товарищ Сталин, за то, что вы персонально разобрались в деле каждого из них... и они проявят столь высокую преданность вам, о которой не может мечтать никакой другой человек.

Маршал открыл папку, чтобы при положительном решении со стороны вождя тут же подать список с графиком освобождения осужденных военачальников. Он рисковал, но для него игра стоила свеч; он понял, что вытребовать военачальников из лагерей можно было только согласившись на присутствие возле них сверхбдительных обученных надсмотрщиков-комиссаров.

– Что ж, Борис Михайлович, вы как всегда вовремя заботитесь о нашем с вами деле. Оставляйте список.

Как только маршал покинул кабинет, вождь нажал кнопку и сказал вошедшему секретарю А. Н. Поскребышеву:

– Вызови мне Лаврентия.

– Он здесь, товарищ Сталин.

Когда нарком внутренних дел вошел, Сталин раздраженно бросил:

– Слушай, ты что все здесь сидишь? У меня для этого есть Власик, а ты вроде как его подменяешь. Может поменять вас местами?

– Что вы, товарищ Сталин, я просто почувствовал, что вы должны меня вызвать. И вошел я тогда, когда маршал покидал вашу приемную.

– Ну хорошо. Помнишь, мы говорили о комиссарах? Подготовь таких людей к началу нашей операции. И не забывай, что и уже действующие комиссары должны быть сверхбдительными.

– Меня, товарищ Сталин, беспокоят некоторые политработники на флотах...

Но вождь перебил:

– Ты что, хочешь сказать, что Кузнецов тебя обошел? Ошибаешься. У нас там надежное обеспечение: начальник штаба Исаков, комиссар Рогов, адмиралы Галлер, Алафузов. Они всегда поставят нас в известность о... неправильном поведении товарища Кузнецова...

Глава 4

Закончив рабочий день далеко за полночь, Николай Герасимович поймал себя на мысли, что ему очень хочется к семье, но что-то не пускает, не дает подняться и уйти...

И вот снова вспомнилась Картахена, 1936 год, поставки вооружений и боевой техники, встреча с незнакомцем, вручившим увесистый пакет, который он так тогда и не поторопился сдать в органы. Внимательно ознакомившись с содержанием, он уничтожил бесценные бумаги, но они перевернули его сознание, навсегда оставив ощущение безвозвратной утерянности некоего главного стержня, на котором должен держаться дух русского человека... дух истинного флотоводца...

Конечно, из бумаг Кузнецов узнал, что тогда к нему обратился М. А Беренс, однако так никогда и не узнал, что русский морской офицер только исполнял просьбу графа А. Г. Канкрин; пути этих двух славных сынов Отечества сходились не единожды, и одной из общих болезненных точек их соприкосновения была Бизерта, где у тунисских берегов почтили остатки растеребленного Русского флота...

Михаил Андреевич Беренс, родившийся в 1879 г., окончил морской корпус, затем штурманский офицерский класс, служил на эскадре Тихого океана, участвовал в войне с Китаем в 1900–1901 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг.; нес морскую службу на канонерской лодке «Гиляк», других кораблях, был участником сражения в Порт-Артуре. За героизм, проявленный в боях, удостоен орденов Св. Анны 2-й степени с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Золотой сабли с надписью «За храбрость». С 1906 г. служил на Балтийском флоте, с 1909-го по 1911-й был помощником старшего офицера и старшим офицером на крейсере «Диана». В 1915 г. – капитан 2-го ранга, назначен командиром самого эффективного в мире и головного в серии современных кораблей эсминца «Новик». В должности командира эсминца участвовал в Первой мировой войне; ему были Высочайше пожалованы ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Кавалерский крест французского ордена Почетного легиона. За боевые отличия также удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст.

В 1916 г., получив чин капитана 1-го ранга, назначен командиром линейного корабля «Петропавловск». Однако весной 1917 г. у него возник конфликт с провокаторами в экипаже линкора. Чтобы не обострять отношения на лучшем боевом корабле флота, командование приняло решение перевести М. А. Беренса на должность начальника штаба Минной обороны Балтийского моря. В условиях царившего революционного беспредела и развала флота какое-то время он смог обеспечивать поддержание боевой готовности минных сил.

После Октябрьского переворота и захвата власти в России инородными силами, Беренс покинул службу на флоте и убыл на Дальний Восток, где вскоре поступил на службу к адмиралу А. В. Колчаку. По поручению которого в январе 1920 г. принял командование морскими силами на Тихом океане. После гибели адмирала Колчака (это всего лишь официальная версия...) Беренс, уже контр-адмирал, 31 января возглавил группу вспомогательных судов с гардемарины Морского училища и беженцами на борту, уходившую из Владивостока в Цуругу. К осени 1920 г. Михаил Андреевич прибыл на Черное море и поступил в подчинение к генерал-лейтенанту и барону Петру Николаевичу Врангелю. С конца сентября возглавлял боевую деятельность сил флота на Азовском море; с 27 октября – начальник второго отряда судов Черноморского флота и старший морской начальник в Керчи. В самый сложный и трагический для Русского флота момент М. А. Беренс принял грамотные и решительные меры по организации эвакуации войск и гражданского населения, вывода кораблей и транспортных средств с Керченского полуострова и перехода в Стамбул; не потеряв при этой вынужденной эвакуации ни единой живой души, ни одной единицы боевой техники и вооружения.

Согласно послужному списку, с 21 ноября 1920-го он – младший флагман 2-го отряда, один из руководителей перехода кораблей в Бизерту. С января 1921 г. – командующий Русской эскадрой в военно-морской базе Бизерты (Тунис). М. А. Беренс обеспечил сохранность и ремонт кораблей, основного кадрового состава моряков и древних флотских традиций среди навсегда покинувших родину. Известно также, что контр-адмирал уделял большое внимание социальной и правовой защите беженцев, воспитанию и обучению кадет и гардемарин Морского корпуса в Бизерте.

С 29 октября 1924 г., после признания Францией Советского Союза, М. А. Беренс сдал командование и в последующем жил как частное лицо на территории Франции и Туниса до своей кончины в 1943 г.

Любопытный факт: старший брат *Евгений Андреевич Беренс* (1876 г. – 1928 г.), капитан 1-го ранга с 1916 г., принял советскую власть и с 1919 по 1920 г. был командующим морскими и речными вооруженными силами Республики; с 1920 г. – состоял уполномоченным по особо важным поручениям при Реввоенсовете Республики. Участвовал в международных конференциях в Генуе, в Лозанне, Риме и Женеве. В 1924–1926 гг. он – военно-морской атташе СССР в Лондоне и Париже. Участвовал в переговорах по проблеме о возможном возвращении Францией русских кораблей (эскадры ЧФ в Бизерте, где в роли отверженца новой инородной властью пытался уберечь остатки великих традиций Русского флота родной младший брат...).

Е. А. Беренс выполнял правительственные поручения, связанные с добыванием военных секретов в других европейских государствах. С 1926 г. состоял в должности чиновника для особо важных поручений при нарком по военным и морским делам и председателе Реввоенсовета СССР. Занимал критическую позицию по поводу военных контактов СССР и Германии.

Итак, факт противостояния судеб двух братьев любопытен, но... были и те, или тот, кто этот факт учитывал; в 1928 году граф А. Г. Канкрин встретился с Михаилом Андреевичем Беренсом и после длительной беседы передал ему кое-какие бумаги. То были материалы Имперской разведки о планах международных еврейских финансовых групп по уничтожению Русского флота правительством приведенного ими к власти Ленина, а после его смерти – планы дальнейшего разрушения флота, остатков кадрового состава и создание уже Сталиным флота советской страны как третьестепенного атрибута новых вооруженных сил. В разговоре с М. А. Беренсом граф выражал уверенность, что, несмотря на захват власти в России резидентами международного масонства, найдутся русские люди, которые не допустят окончательного разрушения и уничтожения всего того, что накоплено достойными потомками зачинателя славы Русского флота Петра Первого. Ими был оговорен и тот факт, что в советском еврейско-большевистском правительстве – по совету заокеанских властелинов – наметилась и иная тенденция: приведя флот к патовой ситуации, создать иллюзию, что им руководят настоящие русские люди, назначив после евреев и полуевреев чистокровного русского человека, желательно выходца из северных районов страны. Получалось, что самой подходящей кандидатурой для тех, кто просчитывал на десятилетия (а то и на столетия) вперед, стал Николай Герасимович Кузнецов, выходец из поморов, которых сам Петр Первый считал лучшими моряками.

Для информации к размышлению приведем список тех, кто занимал пост главнокомандующего ВМФ (или соответствующую ему должность) с 1917 г. по период, который здесь отмечен – конец 20-х годов XX века. В. М. Альтфатер (октябрь 1918 – апрель 1919 гг., из немцев); Е. А. Беренс (май 1919 – февраль 1920 гг., из лифляндских немцев); А. В. Немитц (февраль 1920 – декабрь 1921 гг., из древнегерманского аристократического рода, из ветви императора Карла Великого); Э. С. Панцержанский (декабрь 1921 – декабрь 1924 гг., из польских евреев); В. И. Зоф (декабрь 1924 – август 1926 гг., еврей); Р. А. Муклевич (август 1926 – июль 1931 гг., еврей)...

Граф А. Г. Канкрин рекомендовал не допустить такого развития событий, при которых флот у берегов России окончательно погибнет, сделав все возможное для его спасения. Конечно,

то был почти безнадежный шаг (вернее, один из шагов) истинного патриота; особенно после многих неудачных попыток эмигрантских кругов как-то изменить ситуацию. Шла ли речь в разговоре графа с М. А. Беренсом о Николае Герасимовиче Кузнецове или Михаил Андреевич по истечении времени сам пришел к выводу (или получил информацию из неких источников), что определенными кругами ставка будет сделана на Кузнецова – история умалчивает... В 1929 году в Бизерте одним из организаторов и руководителей партийной разведки Сталина был убит граф Канкрин; а в 1936 году в Испании Беренс встретился с Кузнецовым...

Расчеты оказались верны: Н. Г. Кузнецов был отправлен в Испанию с целью «проверки на вшивость», затем его в качестве командующего перебрасывают на Тихоокеанский флот. Сначала исключают возможность нахождения Кузнецова в стране, где развернулись массовые репрессии двух еврейских кланов (сталинский уничтожал ленинский), а затем – отправляют подальше от центра, поставив задачу внедрять полученный в Испании опыт войны на самом отдаленном флоте государства. И только после переводят в Москву, где с целью окончательной проверки, назначают на должность первого заместителя наркома ВМФ (хотя фактически ему было поручено руководить всем флотом страны).

Просчитал ли когда-нибудь адмирал Кузнецов этот расклад; *что* – живя в заданной схеме – он знал?

В пакете, переданном Михаилом Андреевичем Беренсом, находились и некоторые документы Исторической группы Адмиралтейства министерства морского флота Российской империи.

Как короткое предисловие к документам адмирал Беренс приложил записку, в которой взволнованно писал: *«Из компетентных источников, которым я доверяю, я знаю что вы, уважаемый господин Кузнецов, считаетесь большевистским режимом одним из перспективных начальников флота, и что, возможно, на вас ляжет вся ответственность по совершенствованию сил русского флота в новых исторических условиях. После длительных раздумий я пришел к выводу, что в вашем перспективном росте кроется мистическая сила антирусского заговора, где русские станут жертвой определенных мировых сил, а вы, как русский человек и выходец с Белого моря, будете играть символическую роль русского флотского военачальника в окружении инородного племени. Скорее всего, так и случится, но я прошу вас сделать все возможное, чтобы даже при нашествии инородного племени вы смогли сохранить дух, традиции и силы флота, заложенного Петром Великим. Да воздастся всем от Господа нашего Создателя и да поможет вам Господь Спаситель во имя нашего святого дела».*

История флота, прочитанная и пропущенная через сердце, стала основой всех дальнейших поступков Николая Герасимовича Кузнецова, – настолько, насколько это позволяли обстоятельства и люди *инородного племени*, окружавшие его...

Если открыть том 13 Большой Советской Энциклопедии, то уже буквально по нескольким строчкам из короткой статьи о жизни Николая Герасимовича можно сделать вывод, как много фальшивок было запущено вокруг этого человека.

«Кузнецов Николай Герасимович (р. 11 (24).7. 1902, дер. Медведки, ныне Устюженского р-на Вологодской обл.), советский военный деятель, вице-адмирал (1956), Герой Сов. Союза (14. 9. 1945). Чл. КПСС с 1925. Род. в семье крестьянина. В ВМФ с 1919, участник Гражд. войны 1918–20. Окончил Воен. – мор. уч-ще (1926) и Воен. – мор. академию (1932).

В 1934–36 командир крейсера «Червона Украина». В 1936–37 воен. – мор. атташе и советник в Испании, руководил сов. моряками-добровольцами в освободительной войне исп. народа.

В 1937–39 зам., а затем командующий Тихоокеанским флотом. В 1939–1946 нарком ВМФ СССР...»

Прежде всего, нужно указать, что родился Н. Г. Кузнецов не в 1902-м, а в 1904 году в семье православного казенного крестьянина, что означало принадлежность к высшей степени

крестьянского сословия; были среди предков этой семьи и поморские моряки. Что касается «освободительной войны испанского народа», как и «моряков-добровольцев» – то это блеф, когда желаемое выдают за действительное. А упомянув, что Н. Г. Кузнецов в 1956 г. стал вице-адмиралом, классический печатный источник советских идеологов вообще умалчивает о перипетиях его назначений, повышений и понижений в званиях и должностях.

Получив военно-морское образование в 1926 году, а затем «закрепив» полученные знания в этой области в 1932 г., Николай Герасимович узнал многое, кроме самого главного – настоящей истории Русского флота, *что и кто* составляли его Честь, Достоинство и Славу. А все потому, что после 1917 года главными предметами в деле обучения моряков-командиров советского флота стали совсем иные науки. К примеру, в училище – общественные науки «История ВКП(б)», «Марксистско-ленинская и буржуазная философии», «Коммунистическое и социалистическое строительство», «Основы большевистской педагогики и психологии», «Партийно-политическая работа в РККА и РККФ». Далее шли выхолощенные общенаучные и общетехнические дисциплины; специальные дисциплины также преподавались с уклоном большевистской революции, а военно-морские дисциплины были выброшены из курса как... «чуждые трудовому народу».

В Военно-морской академии (ВМА) курс общественных наук предусматривал «Актуальность революционных идей партии», «Марксистско-ленинские установки в философии», «Выступления товарища Сталина на заседаниях ЦК ВКП(б) с 1925 по 1932 годы» (кстати, в 1933 году была введена в курс обучения статья Сталина «Головокружение от успехов»), «Вопросы экономики по построению социализма», «Вопросы построения социализма в отдельно взятой стране», «Вопросы партийно-политической работы в армии и на флоте».

Что касается военно-специальной подготовки, то в связи с дискуссиями в ВМА, организованными под руководством руководителей академии Жерве, Лоудри, других преподавателей, вопросы оперативно-тактического характера и оперативное искусство преподавались хаотично, с большим уклоном на «*патриотическое воспитание*», в соответствии с требованиями ВКП(б). Не были в курсе дисциплин вопросы тактики флота, подводных лодок, надводных кораблей, береговых частей, вопросы управления силами флота, а оперативная, боевая и мобилизационная подготовка не имела под собой ни научной базы, ни практической деятельности на флотах. Все «старое, царское» отвергалось, но и нового не было. А, например, вопросы разведки и изучения армии капиталистических государств были не научной, а практической прерогативой НКВД. Командный состав, который готовился в Военно-морской академии, смутно представлял себе такой раздел дисциплин, как базирование, тыловое и специально-техническое, обеспечение сил флота. Напрочь была выброшена история военно-морского искусства, вместо нее были включены большевистские общественные науки. В силу преобладавшей «сухопутной» позиции руководства страны, флоту и впрямь отводилась третьестепенная участь.

Не мог Николай Герасимович (не говоря уже о других советских военно-морских начальниках, куда как по уму и таланту слабее Н. Г. Кузнецова) ни в училище, ни в академии познать таких дисциплин Академического курса, преподававшихся до 1917 года, как «Морская тактика», «Морское минное искусство», «Военно-морская история», «Морская артиллерия», «История Русского флота» (повествовавшая об истории русских моряков задолго до путешествий *из варягов в греки*), «Морское международное право», «Флоты и военно-морская тактика иностранных держав – Великобритании, Франции, Италии и других государств мира», «Военно-морская статистика», «Основы христианства и иных религий», а еще прибавим обязательное знание не менее трех иностранных языков. Все эти дисциплины как «старорежимные» считались вредными и были уничтожены. Тем самым было нарушено целостное развитие военно-морских науки (как и иных наук, видов деятельности и отраслей) Российского государства.

Между прочим, после русско-японской войны было принято решение о подготовке особо одаренных офицеров в Николаевской морской академии Генерального штаба, срок обучения в которой был увеличен до трех лет. При этом поступающие офицеры должны были сдавать вступительные экзамены. К примеру, на военно-морском факультете: морскую артиллерию; минное дело; штурманское дело; пароходную механику; географию; политическую историю; сочинение по словесности (т. е. русский язык, – тот, настоящий, просуществовавший до 1917 г.!); экзамен по иностранным языкам (свободное владение немецким, французским и английским). А на гидрографическом, механическом, кораблестроительном факультетах сдавали: алгебру; геометрию; плоскую и сферическую тригонометрию; аналитическую геометрию; дифференциальное и интегральное исчисление; теоретическую механику; физику; иностранные языки.

Уже одно это говорит об уровне подготовки настоящих флотских командиров для сильного и процветающего Русского флота, считающих за воистину великую честь служить своему Отечеству.

Все вышеперечисленное – *толика* тех знаний Русского флота, которая была выброшена большевиками из курса обучения Морского корпуса, военно-морских училищ и Николаевской военно-морской академии. Назывались при этом две причины: «буржуазность» предыдущего обучения и отсутствие кадров. Однако вскоре на преподавательскую работу путем шантажа, прямых угроз и примерами физической расправы над офицерами и членами их семей были назначены преподаватели из числа бывших офицеров Русского флота. Правда, в архивах большевики не оставляли документальных подтверждений своих революционных «передовых» методов, благодаря которым специалисты соглашались на сотрудничество; и то, как чекисты врываются в дома офицеров (адмиралов) и, приставив к голове жертвы наган, требовали немедленно ответить: либо ты служишь революции, либо ты враг и будешь расстрелян вместе с семьей, – эти жуткие картинки оставались в сознании переживших их и еще, переданные устно, в сознании их потомков. В любом случае офицер (адмирал), вынужденный идти на службу к большевикам, знал, что члены его семьи – заложники новой беспощадной власти. Отдача от таких преподавателей была соответственная... Их заставляли забыть то, что они знали до этого и «читать курс советского флота» с позиций Троцкого, Рошаля, Фрунзе, Ворошилова Тухачевского, Дыбенко и других большевистских деятелей, утопивших в крови Русский флот и Русскую армию.

Глава 5

Сознание Николая Герасимовича потрясли элементарные (на наш взгляд) сведения, относящиеся к истории отечественного флота; истории, которая оборвалась в 1917 году, и о *преимственности* которой с днем сегодняшним вообще не может идти речь; однако Кузнецову, показав бывшее величие флота его соотечественников, внушили тем самым мысль о максимальном сохранении, насколько это возможно, силы и нравственности традиций русского флота в условиях перерождения его во флот советский.

Узнав, что Россия имела, что потеряла, а что приобрела, адмирал Кузнецов мог реально оценивать исторические события, в которых ему приходилось играть далеко не последнюю роль, да и саму эпоху в целом... И то, что происходило с Черноморским флотом в 1941–1942 гг., как составной единицей всего ВМФ, возглавляемого в те годы Н. Г. Кузнецовым, было трагичной закономерностью (тогда как без знания истинной Истории все, что было на ЧФ в начале 40-х годов XX века преподносится нам как подвиг беспримерного мужества и массового героизма, но никак не трагедия, за которую кто-то конкретный должен был бы ответить...).

Впервые всерьез идея создания своего флота возникла у русичей за 15 000–17 000 лет до возрождения Русского флота Петром Великим (который хорошо знал о давних флотских опытах и путешествиях древних русичей к ацтекам в Америку и на Японские острова, о чем *имелись* свидетельства). Решение о его – не строительстве, как говорится в большинстве источников, а – воссоздании (!) берет начало с исторической триады дат: 1696 г. – «Флоту быть!», 1701 г. – «Военно-морскому образованию – быть!», 1703 г. – «Новой столице России Санкт-Петербургу – быть!». И уже с первой четверти XVIII века Россия заявила о себе как о великой морской державе. Именно Петр I (1672–1725 гг.) пришел к осознанию идеи рационального соотношения континентального и морского мышления; уникальный правитель уразумел, что полностью закрепить победы на суше в ходе Северной войны, можно лишь одержав величайшие победы на море.

Русское государство, завоевав побережье Балтийского моря, естественным образом оказалось перед необходимостью строительства боевого флота. Из первопрестольной столицы государства – из-за ее удаленности от театра военных действий, отсутствия дорог и оперативной связи – невозможно было обеспечить высококачественное управление насущными делами страны. Именно это обстоятельство и подсказало Государю решение перенести столицу на берега Невы.

Русь до этого не имела фундаментальной базы строительства военных кораблей для открытого моря, да и сами люди не были еще психологически готовы к фундаментальным преобразованиям. Петр I прекрасно осознавал, что без образования и науки ему не создать флота и армии для решения внешнеполитических задач по вхождению России в число развитых европейских держав. Необходимо было учиться строить военный флот, готовить кадры военных моряков и заново создавать принципиально новое государственное управление, не имеющего аналогов в Европе.

Но как это сделать? – эта проблема и обозначила указанную триаду дат. Таким образом, становление и развитие системы флота в России Петр I рассматривал в зависимости от государственной политики. Сама же история становления российской государственности и строительства военного флота, как составляющей внешней и внутренней политики в России, при Петре I и после него начиналось с определения целей внешней политики и задач морским силам в осуществлении этой политики. Эти цели и задачи подразумевали основу для разработки проектов по военно-морскому строительству, образованию, развитию, комплектованию личным составом, базированию и снабжению военного флота.

Имперская политика в области военно-морского строительства, образования и иных компонентов военного флота формировалась и реализовывалась в основном через Высочайшие указы, а также приказы и распоряжения по морскому Адмиралтейству. Так что Петра I следует назвать основателем систематического военно-морского образования и системного строительства военного флота в России.

В 90-х годах XVII века у великого Государя родилась идея создания первого в России государственного образовательного учреждения для подготовки высококвалифицированных морских офицеров; тогда как в морских странах той эпохи существовала частная практика их профессиональной подготовки на кораблях и судах.

Посетив Голландию и Англию в 1697–1698 гг. Петр I окончательно убедился в верности своих идей на благо будущего величия флота России. Между прочим, Государь, не получивший в детстве и юности морского образования, говаривал: «Я желал бы охотнее не иметь у руки одного пальца, недели того, что в молодости меня не учили».

14 января 1701 г. (по ст. стилю) Петр I подписал Высочайший указ об основании Школы математических и навигацких наук. К этому времени в стране уже действовала Славяно-греко-латинская академия, открытая в 1687 г.; которая готовила образованных специалистов для государственной и церковной деятельности в России. В академии преподавались классические для того времени дисциплины: славянский, греческий и латинские языки; Богословие; «семь свободных искусств», в которые входит два цикла: первый – грамматику, риторику, диалектику (или тривиум – трехпутие) и второй – арифметику, геометрию, астрономию, музыку (квадривиум – четырехпутие). Если пояснить это современным языком, то обучение осуществлялось на 5 факультетах: грамматики, пиитики, риторики, философии и богословия. Это важнейшее учебное заведение сыграло исключительную роль в становлении русского образования в конце XVII – начала XVIII в.в. Академию закончили известные всему миру личности Михайло Васильевич Ломоносов, князь Василий Васильевич Лыков, В. К. Тредиаковский, А. Д. Кантемир, но это она охватывала только гуманитарную сферу наук, прикладные же профессиональные науки в ее стенах не изучались.

Однако к началу XVIII века Россия имела и первый отечественный опыт подготовки армейских офицеров в Инженерной школе, открытой в 1697 г., опыт которой Петр I, как и опыт академии, учитывал при создании Навигацкой школы. Эта школа была учреждена в интересах подготовки национальных кадров с целью комплектования создаваемого военного флота, защиты Отечества от угрозы вторжения с моря, избавления от иностранной зависимости в областях образования и науки во славу процветания страны. Школа готовила и выпускала после изучения грамоты, письма, арифметики, и морского дела моряков, инженеров, артиллеристов, геодезистов, гидрографов, топографов, архитекторов, гражданских чиновников, учителей для других школ, писарей, мастеровых и других специалистов.

Не будет большим преувеличением сказать, что военно-морское образование дало начало организации профессионального – как светского, так и морского – образования в России. Исключительная заслуга Навигацкой школы состоит в том, что она положила начало развитию математической мысли в России. Так, учебник Л. Ф. Магницкого по арифметике служил получению русскими знаний в этой области до XX века! – что свидетельствует об уникальности изложения материала.

Светское и военное образование не мыслимо без научной и технической литературы, оттого Государь Петр I разрешил иностранцам открыть в России книжную торговлю. В стране начали издаваться и распространяться карты различных стран и всех частей света, таблицы логарифмов, склонений солнца, рефракции, параллаксов светил, локсодромий; появилась математическая литература; книги по космографии, географии, магнетизму, компасному делу, исправлению румбов, навигаций и морским течениям. Были созданы библиотеки научной и технической литературы.

В деятельности Навигацкой школы Петр Великий видел плоды преобразования России и создания одной из составляющих государственного управления – строительства военного флота. Он давал понять, что для его России чрезвычайно важное значение имеют нравственные основы будущих руководителей флота и государства. С целью нравственного воспитания и умственного образования Государь пригласил из-за границы труппу актеров, которые разыгрывали сцены, воспевающие благородство, честь, достоинство, верность долгу, Государю и Отечеству, и изобличающие людские пороки. Впрочем, нравственные основы всего русского общества искренне волновали всех последующих самодержцев; к примеру, Жуковский, наставник Наследника Престола Александра II называл историю *«сокровищницей царского просвещения»*, а уча августейшего ученика *«правилам деятельности Царской»* говорил: *«Люби и распространяй просвещение; оно – сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной только власти...»*.

По приказу Петра I дважды в день по полудни и при закате солнца на главном корпусе Навигацкой школы – Сухаревой башне звучала музыка (так закладывались традиции; отсюда позже – во время подъема и спуска флага на кораблях матрос-горнист играл «зорьку»). Чтобы подчеркнуть важность воспитания и образования будущих морских офицеров Государь находил время для посещения спектаклей и бесед с учениками. Важным элементом государственной политики Петр Великий считал личное участие в организации образовательного процесса, личный отбор кандидатов в Навигацкую школу и назначение ее выпускников на корабли флота.

Но опыт обучения в этой школе, как и опыт службы офицеров на кораблях показал и существенные пробелы в их профессиональном образовании. Прежде всего ученики не имели единой формы одежды, жили они по домам, т. к. не было казарм, что создавало определенные трудности. Если дети разночинцев принимались в начальный класс, то дети дворян, ввиду домашнего образования, как правило, зачислялись в старшие классы. Все ученики, вне зависимости от их будущего предназначения, обучались по общим программам; при этом ежегодных общих выпусков из школы не производилось, не было и учебной практики на кораблях. Повелось так, что открывавшиеся вакансии на кораблях замещались наиболее подготовленными выпускниками.

С закладкой на Заячьем острове крепости Санкт-Петербурх 16 мая 1703 г. и Адмиралтейской верфи 5 ноября 1704 г. начал формирование облик северной столицы империи, как центра кораблестроения, центра боевого флота и военно-морского образования. Петру Великому потребовалось девять лет на то, чтобы в тяжелейших условиях войны, в сущности на линию фронта (!) перенести столицу Русского государства из первопрестольной Москвы в Санкт-Петербург. Национальные интересы государства настоятельно требовали решать триединую задачу в едином центре: строить флот, готовить кадры морских офицеров и формировать государственную политику России на века.

Уже к 1715 г. военный флот России одержал ряд морских баталий и вырвался на оперативный простор Балтийского моря. Опыт использования флота в боях потребовал необходимости совершенствования военно-морского образования. И тогда 1 октября 1715 г. указом Петра I в северной столице открывается новое военно-морское образовательное учреждение – Морская академия, или Академия морской гвардии. А Навигацкая школа осталась в Москве и решала задачу подготовки воспитанников для поступления в Морскую академию.

В 1715 г. Петр I начал работу по созданию «Русского свода морских военных законов». Этому предшествовали «Указ по галерам» (1696 г.), «Статьи Крюйса» (1698 г.), «Инструкции и артикулы военные Российскому флоту» (1710 г.), явившиеся первыми официальными документами, регламентирующими принципы кораблевождения, ведения морского боя с учетом мирового и отечественного опыта применения флотов.

После пятилетней работы Императора и его сподвижников был введен в действие «*Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. Напечатался повелением Царского Величества в С-П-кой типографии лета Господня 1720, апреля в 13 день*». В предисловии к Уставу отмечается величайшая заслуга Петра I в том, что он осуществил многовековое стремление русского народа выйти к Балтийскому морю, иметь свой военный и торговый флоты, чтобы обезопасить страну от вражеского вторжения с моря и чтобы вести внешнюю торговлю собственными судами. Устав являлся итоговым документом, в котором нашла отражение политика Императора в области национальных интересов, военно-морского строительства, науки и образования. Устав дает представление о практической подготовке должностных лиц флота от генерал-адмирала до матроса в условиях мирного и военного времени. В нем же зафиксировано, что генерал-адмирал, как и прочие адмиралы и офицеры, должны тщательно и ревностно охранять интересы своего Государя и государства, где бы они ни находились с кораблем в мирное и военное время. Уставом определены качества и характеристики, которыми должны обладать командиры: быть храбрыми, справедливыми, высоко-нравственными и своей безупречной службой показывать пример для подчиненных. Устав особо строго требовал от высших офицеров (адмиралов) соблюдения нравственных заповедей: *«корень всему злу есть сребролюбие... ибо многие интересы государственные бывают потерянные через это зло. Такой командир немного лучше изменника Родины*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.